

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

НИКИТИН Сергей Александрович

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В РОССИИ**

Специальность 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2003

Работа выполнена в Отделе прикладного языкознания Института языкознания РАН.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **А. В. Суперанская**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **И. А. Королева**

кандидат филологических наук
О. В. Никитин

Ведущая организация: Институт славяноведения РАН

Защита состоится "9" октября 2003 года в _____ часов на заседании диссертационного совета 10.02.21 в Институте языкознания РАН (125009 Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/12)

Автореферат разослан "9" октября 2003 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. В. Сидельцев.

2003-А
13692

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предметом данной работы является лингвистический анализ переименований населенных пунктов в России. Особое внимание уделяется периоду 1920-х гг., изученному на основе архивных источников, которые ранее не привлекались топонимистами.

Период 1918-1930 гг. был временем значительных изменений в самых разных областях культуры, в том числе в языке и в специальной именной лексике. Были произведены массовые переименования географических объектов, в результате которых переименования стали восприниматься как естественные и сами собой разумеющиеся для России. "Эпоха вызывает новые имена мест. Чем глубже происходящие процессы в общественно-экономической и политической жизни страны, тем сильнее сдвиги в топонимии, как и в других областях языковой деятельности", - писал в 1939 г. выдающийся русский лингвист А. М. Селищев.

Актуальность диссертации состоит в системном и детальном изучении изменения названий географических объектов в 1920-е гг. в сопоставлении с топонимическими преобразованиями в дореволюционной России. А. М. Селищев, Е. М. Поспелов, А. В. Суперанская неоднократно подчеркивали, что тенденции, намечившиеся в топонимии в 1920-е годы, в дальнейшем привели к принципиальным изменениям и к формированию современной топонимической системы. Несмотря на это, переименования 1918-1930 гг. оставались слабо изученными; сведения о них брались из позднейших справочников, в которых часто не упоминались датировки и промежуточные названия населенных пунктов. В данной работе особое внимание уделялось топонимам, созданным декретным путем. За основу были взяты официальные формы географических названий, то есть такие, которые устойчиво используются в делопроизводстве, помещаются на картах, являясь общепризнанными языковыми идентификаторами соответствующих населенных пунктов. Искусственные (декретные) топонимы в работе противопоставляются традиционным: в то время как традиционный топоним формируется десятилетиями, его форма отражает диалектные особенности региона и языковую практику населения, декретная топонимия создается волевым решением (владельца населенного пункта, органа государственной власти и т. п.). В связи с этим адресная функция топонима как первичная в эпохи крупных изменений общественного сознания уступает место вторичным функциям (политической и стилистической).

Цель работы заключается в изучении концепции топонима и ее изменений в разные эпохи, что влияет на перестройку топонимической системы. Экстралингвистические факторы - общественные представления о роли географических названий в языке и обществе - ведут к серьезным лингвистическим изменениям, таким как появление новых топонимических моделей, активизация одних и угасание других типов топонимов. Это, в свою очередь, снова влияет на отношение к топониму в обществе, ведет к переоценке его содержательной стороны и меняет взгляды людей на его функции.

Форм. № 1
Всего стр. 578

Для достижения данной цели потребовалось решить следующие задачи:

1) Выявить специфику топонимических процессов в периоды значительных общественных изменений.

2) Выявить основные тенденции при переименованиях географических объектов, проведенных государственной властью в XVIII – нач. XX вв. в плане анализа морфологии, смысловой нагрузки и общественной функции топонима.

3) Провести архивное изыскание ходатайств о переименованиях, принятых в первые годы Советской власти.

4) Систематизировать переименования населенных пунктов Российской Федерации за период с 1918 по 1930 гг. по следующим критериям:

- по мотивационным признакам, находящимся в ходатайствах о переименованиях;

- по особенностям семантики основ вновь присвоенных названий;

- по словообразовательной структуре топонимов;

- по связи между группами старых и новых названий;

- по частотности встречающихся топооснов.

5) Сопоставить тенденции, выявленные при анализе переименований разных исторических периодов.

Источниками исследования послужили архивные материалы из фонда №5677 "Административная комиссия при ВЦИК" Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва). Просмотрено свыше 5.000 страниц рукописных и печатных текстов. В диссертации использованы также публикации советских законодательных постановлений 1920-х гг., дополняющие архивные материалы. При рассмотрении переименований XVIII – нач. XX вв. использовались справочные и энциклопедические издания.

Научная новизна исследования заключается в последовательном привлечении материалов государственного делопроизводства для объяснения топонимических изменений. Впервые систематическому анализу подвергнут основной массив переименований населенных пунктов в России в определенный хронологический период. Исследуются ранее остававшиеся вне поля зрения лингвистов явления – отказы государственных органов в ходатайствах о переименованиях населенных пунктов. Работа демонстрирует возможности использования лингвистического источниковедения для изучения топонимических изменений в связи с изменением общественной жизни и культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1) Морфологический и семантический анализ компонентов официальных форм топонимов может свидетельствовать о преемственности концепции российского топонима в XVIII-XX вв.

2) Тенденции изменения общественного отношения к топониму, наметившиеся в Петровскую и Екатерининскую эпохи, обрели в XX в. всероссийский масштаб, повлияв на формирование новой концепции советского топонима.

3) Переименования в эпохи изменения в общественном сознании имеют свою специфику, что отражается в лингвистическом

оформлении топонимов, при этом адресная функция может стать для них неглавной.

- 4) Для раскрытия семантики и мотивации замен топонимов могут быть использованы ходатайства о переименованиях, а также отказы в их удовлетворении.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке концепции топонима как ключевого понятия для объяснения характерных особенностей наименования и переименования географических объектов. Важными представляются предложенные в диссертации принципы анализа морфологической и лексико-семантической преемственности при топонимических изменениях. Данные работы имеют значение для понимания процессов, происходящих в топонимии России в XXI в., когда продолжаются дискуссии о переименовании отдельных населенных пунктов, ставятся вопросы о возвращении ряду объектов старых, дореволюционных названий, о согласовании названий единиц административно-территориального деления и их центров.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы лингвистами (в т. ч. социолингвистами), историками, картографами, этнографами, специалистами в области социальной психологии, преподавателями истории, культурологии и географии, музейными работниками и краеведами. Они помогут работникам официальных учреждений, занимающимся наименованием и переименованием географических объектов, составлением энциклопедических изданий общего характера и топонимических словарей. Положения, разработанные в диссертации, найдут применение при чтении курсов лекций по истории русского языка и ономастики России.

Апробация работы. Результаты исследования были доложены в сообщениях на XX Международном конгрессе ономастических наук (Сантьяго-де-Компостела, 1999 г.), на III международной научной конференции "Филология и культура" (Тамбов, 2001 г.), на Ярославских лингвистических чтениях (Ярославль, 2001 г.), на конференции "Романия и античность" (Москва, МГУ, 2001 г.), на Всероссийской научной конференции "Центр-провинция" (Санкт-Петербург, 2001 г.), на XII и XIII Всепольских ономастических конференциях (Краков, 2000 г., Ольштын, 2002 г.). По материалам работы были также прочитаны доклады в Институте славяноведения РАН (Москва, 1999 г.), в Топонимической комиссии Российского географического общества (Москва, 2001 г.) и в семинаре по индоевропеистике Института языкознания РАН (Москва, 2002 г.).

Перспективность исследования. Официальная российская топонимия, представленная в данном исследовании, может быть по ряду признаков сопоставлена с неофициальными формами географических названий, принятыми в повседневном общении. Плодотворным представляется сравнительный межкультурный анализ концепции топонима у разных народов и топонимических процессов, наблюдаемых в разных странах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и использованной научной литературы.

Во Введении обосновывается актуальность выбора темы и хронологических рамок исследования, определяются его цели и задачи.

В главе 1 "Теоретические проблемы топонимики" дается обзор литературы по избранной проблеме, рассматриваются топонимические классификации, проблемы семантики и функционирования топонимов, а также причины, вызывающие необходимость переименований. Семантику топонимов можно изучать, выделяя различные планы их значения и назначения (Винокур 1939; Калесник 1936; Суперанская 1973; Болотов 1972; Ковалик 1969), функциональность (Никонов 1965), символизм топонимов (Algeo 2000), а также историко-культурную "биографию" (Горбаневский 2000).

Рассмотрены следующие известные классификации географических названий: лексико-семантическая (Селищев 1939, McArthur 2000), классификация Л. Л. Гумецкой, построенная на анализе происхождения имени; морфологическая классификация (Суперанская 1964). Особое внимание уделено лексико-семантической классификации (Ch. V. Petersen 1977), созданной на основе изучения советской топонимии и практики переименований. В краткий очерк литературы, посвященной переименованиям в России, входят работы: А. М. Селищева (1939); С. И. Ожегова (1963), Ч. Б. Петерсена (1975) и Е. М. Поспелова (1996). Отдельно рассмотрены исследования современной топонимии в других странах Европы (Luca Serianni 1995; Enzo Caffarelli, Sergio Raffaelli 1999; Hanna Gaczyńska 2002). Как явствует из обзора, проблеме морфологической стороны переименований населенных пунктов отводится значительно меньше внимания.

В разные эпохи в разных странах мира переименования географических объектов производились с различными целями: по политическим причинам (в результате изменения государственных границ, смене политических режимов, в ознаменование важных исторических событий), в эстетических целях (нобилизация). Наличие созвучных названий и изменение административно-территориального статуса объекта также часто ведет к его переименованию.

В главе 2 "Характеристика источников исследования" дается описание использованных архивных и опубликованных материалов, их полноты, степени изученности и достоверности.

Сведения по топонимии XVIII – нач. XX вв. брались из современных изданий: Большой энциклопедический словарь (1993) и энциклопедический словарь "Города России" (1994). Использовались также "Топонимический словарь Московской области" (2000) и "Географические названия России" (2003) Е. М. Поспелова, официальные справочники "Административно-территориальное деление СССР" и "Административно-территориальное деление РСФСР". В качестве дополнительного материала в работе привлекались названия улиц и административно-территориальных единиц. Внутригородская топонимия анализировалась по изданиям: "Имена Московских улиц" (1972), "Улицы Одессы" Я. Майстрового (1998), "Почему так названы" К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (2002) и "Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга" под ред. А. Г. Владимировича (2002).

В работе использовались публикации законодательных актов РСФСР и СССР за указанный период ("Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР" 1918-1930 гг. и "Собрание законов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства СССР" 1924-1930 гг.).

Исследование российской топонимии 1918-1930 гг. строилось на основе анализа первичных материалов из фонда ГАРФ. В изучаемый период Административная комиссия была главным государственным органом, ответственным за изменение административно-территориального деления. Административная комиссия готовила резолюции ВЦИК по ходатайствам о переименованиях, которые утверждались в дальнейшем на заседаниях Президиума ВЦИК. Наибольший интерес для нас представляли именно такие ходатайства с мест, в которых обосновывались причины переименования и предлагалось новое наименование. К ходатайству местной организации (сельсовета или волостного исполкома) прилагалась выписка из протокола собрания или заседания (или порой сам протокол), на котором выдвигалась и обсуждалась необходимость переименования. Изучение топонимии по ходатайствам о переименованиях позволило вскрыть мотивацию многих имов и процессов, происходивших в общественном сознании. Это особенно помогало в тех случаях, когда, исходя из общих фоновых знаний, невозможно выявить содержание топонима, поскольку при переименовании часто привлекались местные реалии, неизвестные на общероссийском уровне.

Особую группу материалов представляют циркуляры Отдела Управления НКВД, Административной комиссии при ВЦИК, НКВД, касающиеся административного деления и переименований. Первый циркуляр по вопросам территориального деления относится еще к 24 марта 1918 г.; в нем устанавливался порядок присылки сведений в центр. В циркулярах нередко формулировались в сжатом виде те проблемы, которые были наиболее актуальны для административного деления РСФСР того времени (например, значительное количество неофициальных переименований, сведения о которых не поступали в центр, или большое число созвучных названий).

Отдельно привлекались материалы по переименованиям, которые были отвергнуты Административной комиссией и Президиумом ВЦИК (отказы в переименованиях). Всего мы выявили около 70 отказов, основная масса которых относится к названиям поселений, не имевших никакого фактического отношения к биографии вождей, именами которых их хотели назвать. Особенно часто отказывалось в присвоении названий в честь (или память) В. И. Ленина и топонимов-символов. Например, в течении трех лет местные работники добивались перемены названия г. *Новониколаевск*, для которого последовательно предлагались названия *Краснообск*, *Ульяновск*, *Новосибирск*. В 1923 г. правительство отказало в переименовании города во второй раз и присвоило имя *Ульяновск Сибирску*. *Новониколаевск* был переименован в *Новосибирск* в 1926 г. Переименования, не получившие утверждения центральной власти, мы приводим в нашей работе в качестве дополнительного материала. Им посвящены наши публикации (Никитин 2001а; 2000 в).

В главе 3 "Основные тенденции официальных изменений в топонимии России в XVIII – нач. XX вв." даётся очерк последовательных изменений концепции топонима в России в период, предшествующий революции 1917 г.

Значительные изменения топонимии, а также и концепции топонима происходили в следующие исторические периоды: правление Петра Великого, Екатерины Великой, в первые годы Первой мировой войны и в первые годы Советской власти. Активные переименования производились и в 1930-1990-х гг., но они часто повторяли переименования, произведенные в изученные периоды, или приводили к возвращению старинных названий.

Правление Петра Великого открывает эпоху государственного вмешательства в топонимию. Петровские названия различны по функциям и содержанию: это и посвящения, и символические названия. В основном, замены коснулись северо-западной части России, в которой на протяжении почти двадцати лет разворачивались крупные военные действия против Швеции. Там сформировался своеобразный ансамбль петровских названий. Большинство наименований включает заимствованные компоненты шведского, голландского и немецкого происхождения; среди них доминируют двухкомпонентные топонимы (*Питергоф, Шлотбург*).

Совершенно новыми стали функции топонимов: не только обозначать объект, но и показать его значение и стратегическое положение: *Шлиссельбург* – ключ-город; *Кроншлот* – венец-крепость. Петровские названия были адресованы людям, говорившим на иностранных (преимущественно, германских) языках. Таким образом, топонимия петровского времени может быть рассмотрена как вызов Европе, с одной стороны, и, с другой стороны, – традиционной русской аристократии, которая не знала иностранных языков.

В петровское время не заботились об орфографии топонимов; важным было передать смысловые компоненты наименования. Например, Е. М. Пospelов насчитает 30 разных вариантов написания топонима *Санкт-Петербург* в первой четверти XVIII в.: *Санкт-Питер-Бург, Санктпетерзбург, Питербурх* и др. Русские люди с трудом справлялись с произношением новых названий; в просторечии закрепились варианты, сближавшие топонимы с известными русскими словами: *Ораниенбаум* стал называться *Ранбов* по ассоциации с топонимом *Тамбов*; *Ораниенбург* – *Раненбургом* по созвучию со словом *раненый* (именно эта форма была законодательно закреплена в конце XVIII в.). Адаптация топонима *Шлиссельбург (Шлюссельбург)* привела к форме *Шлюшин*.

В правление Петра I появляются топонимы, образованные от женских имен: псевдогерманизмы *Екатерингоф, Екатеринбург* и псевдогреческое *Екатеринополь* (впоследствии эта крепость была скрыта).

Топонимы-германизмы активно присваивались во второй половине XVIII в. при Екатерине II в Поволжье, где образовались колонии выходцев из Германии и Швейцарии. Главный город колонии был назван *Екатериненштадт (Katarinensstadt)* и имел также второе русское именованиеназвание *Баронск* – по титулу основателя и первого директора колонии барона Каю де Борегарда (вар.: де Борегардт). Среди названий выделяются посвящения основателям колонии. По всей видимости, они

были прижизненными. От имен детей и жены барона были образованы традиционные германские двухкомпонентные названия с участием географических терминов: *Сусаненталь*, *Эрнестиндорф* (*Эрнестендорф*) и *Филиппенфельд* (*Филиппенфельд*, *Филиппсфельд*). Также были представлены топонимы с нулевой топонимической деривацией: *Кано*, *Борегард*. С определениями, обозначающими положение объектов относительно друг друга, были даны топонимы *Обер-Монжу* и *Нидер-Монжу* (в честь полковника Монжу – одного из первопоселенцев). Часть новых названий была перенесена колонистами с прежних мест их обитания: *Цюрих*, *Базель* и т. д.; ср. древнерусские названия *Звенигород*, *Владимир*, первоначально появившиеся в Юго-Западной части Руси и использованные для наименований городов на Северо-Востоке.

В правление Екатерины Великой осуществлено Генеральное межевание – первая сплошная регистрация ойконимов (1767), в результате которой появились полные списки населенных пунктов России. За межеванием последовала реформа административно-территориального деления государства, в ходе которой было произведено массовое преобразование селений (и их названий) в города. Серьезные изменения коснулись структуры названий населенных мест: *Соль-Камская* и *Лальский посад* были заменены на более компактные *Соликамск* и *Лальск*. В конце XVIII в. установилась современная норма названий городов на *-ос/-ев*, *-ин* и *-ск*. Способ образования названия города из наименования сельского поселения путем усечения флексии был многократно опробован при преобразовании сел в города: с. *Медынское* – г. *Медынск* (ныне *Медынь*) и д. *Лукоянова* – г. *Лукоянов*, *Удинский острог* – г. *Нижнеудинск*.

В то же время в центральных органах власти формируется понятие о благозвучности топонима. В специальном законе о межевании (1767) землемерам предлагалось не записывать неблагопристойных названий, а "заменять в них одну-две литеры". Стилистический аспект переименований проявился при преобразовании селений в города, при котором некоторые названия были "отредактированы" или устранены: с. *Пьянский Перевоз* – г. *Перевоз*, подмосковное село *Рогожа* стало называться г. *Богородск*. Со временем устранение неблагозвучных топонимов стало одной из главных причин переименований наряду с политическими и административными (в целях облегчения управления).

Внешнеполитическая концепция Екатерининского кабинета отразилась в переименованиях и наименованиях, которые были произведены на вновь присоединенных южных землях. Посредством новых названий, данных с активным использованием греческих моделей и компонентов, правительство выражало идею создания громадного государства по образу Византии. Часть названий была реконструкцией древних топонимов (*Одесса*, *Феодосия*, *Севастополь*), большинство же было создано заново.

Для топонимического творчества Екатерининского времени характерно использование композитных моделей разных исторических периодов, языков и культур. Интерес к композитным моделям был обусловлен, по-видимому, германским происхождением членов императорской семьи и ее приближенных. Некоторые Екатерининские топонимы создавались по аналогии со старыми именами: ср.

соответственно *Екатеринослав – Святослав, Екатеринодар – Божидар*. Топоним *Владикавказ* перекликается с древним топонимом *Владимир*, хотя происхождение последнего сложнее (топоним *Владивосток* появился в XIX в.). Буквальный перевод древнего названия столицы Византии, *Константинополя*, – *Константиноград* был присвоен *Белёвской крепости* в честь внука Екатерины Константина Павловича, которого императрица мечтала видеть первым императором нового государства.

Большое количество названий было посвящениями членам царской семьи (*Павловское, Ольгополь* в честь дочери Екатерины). В то же время исключительными представляются посвящения Г. А. Потемкину (*Григориполь*) и римскому поэту Публию Овидию Назону (*Овидиополь*), который, по данным того времени, отбывал ссылку в нынешней Одесской области.

Античные аллюзии, понятие о благозвучности топонима и использование переименования для выражение внутривидовых задач в российской топонимии XVIII в. были сопоставимыми с явлениями, характерными для эпохи Просвещения во Франции, которые ярко обозначились в переименованиях, проведенных во времена Великой французской революции XVIII в. В то время во Франции активно развивались посвящения общественно-политическим деятелям разных эпох и создавались аллегорические названия, напоминающие об античности (*Mont-Marat, Montfort-le-Brutus, Fort-d'Hercule*). С другой стороны, устранялись названия, напоминавшие о старом строе и названия с церковными коннотациями: *Saint-Piense* был остроумно переименован в *Sapience* ("мудрость"), *Saint Symphorien – Symphorien*, в дальнейшем из-за созвучия первого слога *sym* слову *saint*, город был вторично переименован в *Phorien*. После того как якобинские войска взяли *Тулон* и *Марсель*, они переименовали их соответственно в *Port Гор* и *Город без названия* (*Toulon – Port-la-Montagne, Marseille – Ville-sans-Nom*). Уничтожение названия *Марсель* во Франции вторило разрушению его городской застройки – населенный пункт в революционной Франции не должен был иметь никакой связи со старым городом; он должен был заново родиться.

Задача устранения памяти о восстании Емельяна Пугачева в России была решена переименованием р. *Яик* в *Урал* и *Яицкого Городка* в *Уральск*, оформленном специальным императорским законодательным актом. Использование топонимии для устранения памяти продолжил сын Екатерины II, император Павел I: он уничтожил названия, данные в ее эпоху: *Екатеринослав* получил наименование *Новороссийск, Севастополь* – турецкое название *Ахтияр* (по близлежащей татарской деревне), *Феодосия* – *Кафа*, как было при турках. После смерти отца Александр I восстановил екатерининские названия; топоним *Новороссийск* был позднее присвоен другому населенному пункту.

В переименованиях екатерининского времени присутствует понятие о топониме как о значимой величине для общественного сознания. Власть использует топонимию для выражения разнообразных идей, причем не только общегосударственных, но и личных.

В XIX в. развивается тип топонимов-посвящений, которые напоминают о членах царской семьи, военных деятелях и событиях

(острова *Кутузова, Милорадовича, Барклай-де-Толли* и др. в Тихом Океане). Активно присваиваются географические топонимы других стран в качестве мемориальных: *Париж, Лейпциг, Кассельский* (присвоены на Урале в 1840-х гг. в память о европейском походе русской армии). Некоторые топонимы в результате суффиксации потеряли связь с событием, от названия которого они были образованы: село *Краснинское* было названо в честь сражения у села Красное, *Бородиновка* – в честь Бородинского сражения, а сегодня эти ойконимы воспринимаются как огаитропонимные.

Топонимизация имени и фамилии зарегистрирована в названиях *Архипо-Осиповка*, данном в память о подвиге Архипа Осипова (1840). Еще одна модель, не получившая развития, представлена топонимом *Баталпашинское* (ныне *Черкесск*): оно дано по имени руководителя разбитого в этой местности войска – *Батал-паша* (нач. XIX в.). В 1888 г. среднеазиатский *Каракол* был переименован в *Пржевальск* – в честь известного исследователя Азии Н. М. Пржевальского, скончавшегося там. В 1910 г. в память о М. Д. Скобелеве – первом губернаторе Туркестана – *Новый Маргелан* (встречается также вар.: *Новый Маргилан*) был переименован в *Скобелев*. Способы образования двух последних топонимов – усечение флексии фамилии и топонимизация антропонима без участия элементов деривации – представляют собой современную норму образования топонимов-посвящений. Топонимические посвящения в дореволюционной России были единичными и маргинальными; почти не присваивались названия в честь деятелей культуры, что отражает частный, негосударственный характер литературы и культуры, а зачастую – оппозиционность ее деятелей по отношению к властям дореволюционной России.

В 1914 г. производятся значительные переименования, связанные с началом Первой мировой войны. Мотивацией замен был отказ от германизмов в топонимии. Это коснулось названия столицы, а также многочисленных немецких колоний: в 1914 г. *Санкт-Петербург* был переименован в *Петроград*. Предлагалось также устранить название *Екатеринбург*. Городская дума Новгорода ходатайствовала о присвоении городу эпитета *Великий* – в знак того, что "Новгород был первым борцом с германизмом". Переименования 1914 г. были массовыми: по данным Е. М. Поспелова в одной только Екатеринославской губернии было переименовано 64 населенных пункта. Это свидетельствует о том, что переименования советского периода не были абсолютно новым явлением, а продолжили дореволюционную государственную политику в области географических названий.

В правление Петра I, Екатерины II, Павла I и в период перед Первой мировой войной активно менялась концепция топонима, что проявилось в замене одних топонимов другими по причине их несоответствия критериям, которые предъявляло географическим названиям общественное сознание.

Глава 4 "Переименования первых лет Советской власти (1918-1930 гг.)" посвящена исследованию различных аспектов изменений топонимии России в 20-х гг. XX в. С этой целью из всего множества подвергшихся в то время изменениям названий губерний, волостей, железнодорожных станций и других географических объектов особенно

тщательно изучены 136 случаев перемены ойконимов (с учетом двух случаев переименования *Екатериненштадта*).

Переименование – сложный лингво-культурный процесс, в котором значимыми являются оба компонента – старое и новое названия. В связи с этим в работе проведен детальный анализ взаимных отношений между старыми и новыми названиями, проявляющихся как в формальной, так и в содержательной их стороне. Отдельно предлагается классификация старых топонимов, которая, в отличие от традиционных морфологических и лексико-семантических классификаций, строится на выявлении негативных ассоциаций топооснов в русском языке 20-х гг.

Рассмотрим типы устраченных названий:

1) Топонимы разнообразного происхождения, связываемые в документах с политической ситуацией в дореволюционной России (всего 49 топонимов). К ним относятся, в первую очередь, топонимы, включающие имена членов императорской семьи (*Екатериненштадт*, *Екатеринбург*), имена владельцев (*Каплин-Гридин*, *Катково*), обозначения титулов и званий сословного общества (*Графское*, *Дворянское*, *Царицын*). Небольшую подгруппу политически мотивированных составляют названия, осмысленные как производные от церковных понятий (*Монастырка 2*, *Монастырская*) и агнионимов (*Сергиев Посад*, *Михаил Архангел*).

2) "Неблагозвучные" названия, замену которых можно считать стилистически мотивированной (всего 31 топоним). Среди замененных наиболее характерны онимы, сохраняющие и в современном языке пейоративное значение: *Запердяжье*, *Дристуново*, *Ссакино*, *Гологузово*, *Урена* (*урюпа* – неряха, разгильдяй).

3) Названия, утраченные по административным причинам: в целях размежевания созвучных наименований или в связи с изменением административного статуса объекта (всего 21 топоним). Подобные переименования неоднократно проводилось в России в XVIII-XIX вв. Среди названий, утраченных по административным причинам, есть топонимы с нейтральной или недокументированной производящей основой (*Каширинск*, *Авилово*, *Васильевская Артель*), а также политические (*Ленинск*, *Троцк*), однако политические коннотации не являются в них определяющими – главной целью переименования было размежевание созвучных названий. К административно мотивированным относится нами и замена нижегородского названия *Богородское* на *Богородск*, где церковные коннотации не помешали сохранению топоосновы, в то время как в других случаях церковные названия подвергались полной замене (см. напр. *Святой Крест* – *Прикумск*, *Часовня* – *Парижская Коммуна*). Это ценное свидетельство того, что церковные ассоциации в 1920-е гг. не были повсеместно восприняты как причина для переименования.

4) Названия, утраченные без указания мотивации, широко представлены в переименованиях 1918-1930 гг. (35 единиц). В этой группе много отантропонимных названий, которые могли быть осмыслены как производные от имен владельцев (*Бекетовка*, *Сабурово*, *Викентьевка*), однако для выяснения причины их устранения требуются более глубокие архивные и полевые исследования.

Главной причиной переименований в советское время было представление о политической функции топонимов. Согласно этому представлению, уже в первые годы Советской власти (1918-1930 гг.) активно присваивались названия-посвящения в память о политических деятелях и героях Советской России устранились старые топонимы. Заметим, что в большинстве случаев в момент присвоения старые названия были вполне нейтральными (указывали на владельца, на местоположение и другие свойства объекта). С точки зрения людей того времени, топонимы несли политическую нагрузку и должны были активно участвовать в формировании нового общественного сознания.

Выявленные группы устранившихся названий не соответствуют, как правило, их изначальной мотивировке. Неблагозвучные названия сформировались преимущественно из календарных личных имен: *Мошонка* от *Мошня* (от имени *Моисей*) или из некалендарных: *Гологузово*, ср. *Гологуз Иван*, 1606 г. Арзамас (Веселовский 1974, 82). Они могли также восходить к местным географическим терминам, переосмысленным на основе ассоциаций с некоторыми словами современного русского языка: *Подгацкий* (от слова *гать*) переосмыслено как производное от слов *гад*, *Враги* (от *враг/овраг*) – по сходству со словом *враги*, гидроним *Мбча* (Мурзаев 1999) – со словом *моча*. Таким образом, в Советской России продолжились стилистические переименования, иницированные специальным указом в правление Екатерины Великой.

Устранение церковных названий было одним из способов антирелигиозной борьбы. Церковные названия осмысливались как пропагандистские, в то время как широкое распространение церковных названий селений в прошлом объясняется не пропагандой религии, а тем, что храмовые здания в условиях русской равнины были удобными ориентирами на местности: будучи каменными, они легче переживали пожары. Названия церквей были широко известны и образованные от них названия поселений, следовательно, были более стабильными, чем, например, названия по именам владельцев, которые часто менялись (Никитин 2003).

Для вновь присвоенных названий на основе работ А. М. Селищева, Ч. Б. Петерсена, А. В. Сулперанской, Е. М. Поспелова предлагаются следующие типы новых названий:

1) Общественно-политические (89 единиц), в том числе производные от антропонимов и от слов, обозначающих абстрактные понятия. Антропонимы, участвующие в образовании новой географической номенклатуры 1918-1930 гг., принадлежали общественным и политическим деятелям России того времени: ойконимы *Козьменко*, *Туркин* по фамилиям местных героев Гражданской войны, *Александро-Ивановка* – по именам местных деятелей Александра Сысоева и Ивана Марфенко и др. случаи. Были топонимически увековечены и некоторые зарубежные деятели: *Маркштадт*, *Либкнехтовка* (даны в память о Карле Марксе и Карле Либкнехте). Малочисленной оказывается подгруппа топонимов, производных от имен деятелей культуры: *Радищево*, *Пушкинские Горы*, *Беднодемьяновск*, *Некрасово*. Название *Минотино* дано по семье местной интеллигенции. К словообразовательным исключениям относится наименование *Львово*,

образованное, согласно ходатайству, от имени Льва Николаевича Толстого. Позже были присвоены и другие наименования в честь деятелей культуры: *Чехов*, *Пушкин*, *Мичуринск*, но удельный вес подобных посвящений не связанным прямо с политикой останется небольшим. Значительную группу общественно-политических названий составляют производные от символов и понятий революции, причем большинство из них были образованы от прилагательного *красный* (цвет государственного флага).

2) Нейтральные (33), когда мотивация топонима ясна из документа и при этом он не является политически коннотирующим: город *Прикумск* по р. *Кума*, название деревни *Бережные* (редчайший случай топонима в форме прилагательного в мн. ч.), заменившее прежнее *Верхосолье Враги* (от оврагов).

3) С недокументированной производящей основой (14), когда производящая основа топонима не выявлена путем архивного исследования. Как и в случае со старыми названиями, утраченными по неизвестным причинам, многие новые топонимы с недокументированной производящей основой являются по своей структуре антропонимными (*Лебедево*, *Черново*).

В первые годы советской власти доминирует тип топоним-посвящение: 19 названий являются прижизненными, 28 носят мемориальный характер. Оформление большинства этих топонимов преемственно по отношению к дореволюционной топонимии: названия городов образуются по модели "антропоним с нулевой топонимической деривацией" (города *Тутаев*, *Пугачев* и *Конаков* – с 1930-х гг. называется *Конаково*) и с помощью усечения флексии исходного антропонима до *-ск* или путем его наращивания (фамилия *Буйнакский* – топоним *Буйнакск*, *Володарский* – *Пошехонье-Володарск*, *Свердлов* – *Свердловск*, *Ногин* – *Ногинск*). Интересно, что при общей развитости топонимической модели "антропоним с нулевой деривацией" на территории Советского Союза не было присвоено ни одного названия *Ленин* (исключение: ледокол *Ленин*). Аналогичная ситуация была с эпонимом *Сталин*. В советской культуре эти имена были табуированы и могли быть употреблены в непосредственной связи с личностью вождя или его изображениями (подписи на памятниках, под фотографиями и картинами). Подлинные фамилии государственных деятелей, известных под псевдонимами, также не топонимизировались (за исключением посвящений В. И. Ленину-Ульянову).

На фоне устранения топонимов, производных от женских личных имен (посвящения императрицам) в первые годы Советской власти было присвоено лишь одно название, образованное от имени женщины (*Слуцк* – в память о Вере Слуцкой).

Отмечается своеобразная преемственность в иерархии топонимизируемых реалий: имя царского генерала (*Иващенко*) в топониме *Иващенково* сменяется на производное от имени основателя Красной Армии Л. Д. Троцкого (*Троцк*), затем на *Чапаевск*, также по имени военного начальника, топонимизированное имя кулака *Атарциков* сменяется на производное от имени убитого в Гражданскую войну местного деятеля Варенника (*Варенниково*); мнимая производность от титула *царица* в топониме *Царицын* вызывает посвящение нового

названия одному из вождей советского государства (*Сталинград*), *Великокняжеская – Пролетарская*; ср. замены времен Французской революции когда *roi* (король), *comte* (граф) меняли на компоненты, пропагандирующие революционную идеологию: *Malay-le-Roi – Malay-le-Républicain*, *Martigny-le-Comte – Martigny-le-Peuple*, *Marly-le-Roi – Marly-la-Machine*.

Для новой топонимии XX в. характерно большое количество названий, образованных от одних и тех же основ. В 1920-х гг. к частотным основам относятся *красн-* (20 производных) и эпонимы *Ленин*, *Ульянов* (10), *Троцкий* (4) и др. В циркулярах Административной комиссии второй половины 20-х гг. упоминаются также много новых созвучных топонимов, производных от слов *октябрь* (распространенное метафорическое обозначение Октябрьской революции), *май* (в значении пролетарского праздника 1 Мая) и эпонимов *Зиновьев*, *Сталин*. В то же время в результате переименований практически не присваиваются ойконимы, производные от слов *совет* (единственные случаи: *Советск*, *Совпоселок*), *социалистический*, что, возможно, объясняется тем, что советская власть и социализм считались уже построенными, а революция была ориентирована в будущее (ср. высказывание В. В. Маяковского в разговоре с А. В. Луначарским: "я хочу будущего сегодня"). Большое количество названий, производных от одних и тех же основ, затрудняло ориентацию; адресная функция по сути не ощущалась как основная для топонима.

Поскольку многие новые топонимы 20-х годов были даны по именам еще живых политических деятелей, кардинальное изменение политической ситуации в стране приводило к многократным заменам многих из них; ср. *Надеждинск – Кабаковск – Надеждинск – Серов*; *Рыбинск – Щербаков – Рыбинск – Андропов – Рыбинск* и мн. др. До 1930 г. были заменены топонимы, производные от эпонима *Троцкий*; в дальнейшем – удалены с карты топонимы, производные от эпонимов *Зиновьев*, *Сталин*, *Молотов*, *Каганович* и др., причем факты переименований зачастую отражались лишь в специальных изданиях и практически не приводились в крупнейших энциклопедических изданиях 1950-1970-х гг.

Сохранение содержательных компонентов топонимов при переименовании является важной проблемой практической топонимики. Для ее оценки нами предложено изучение лексико-семантической преемственности. Стабильность и нормальное функционирование топонимической системы зависит, в частности, от того, сохраняется ли лексический компонент старого названия или он, напротив, полностью уничтожается. В соответствии с этим выделяются два типа переименований: без сохранения (1) и с сохранением лексико-семантических компонентов старого топонима (2). Второй тип включает в себя следующие подтипы:

А) Новое наименование образуется с участием старой основы при минимальном изменении структуры топонима. Этот подтип характерен для переименований, связанных с изменением административного статуса населенного пункта: *Павлово – Павлов* (1919), *Советск – Советское* (1922);

Б) Новый топоним образуется путем добавления разнообразных определений к старому названию. Так, географическую привязку отражают переименования: *Каменка – Каменка-Белинская* (1924; в связи с нахождением вблизи железнодорожной станции *Белинская*), *Ленинск – Ленинск-Омский* (1925);

В) Новый топоним получается путем усечения старого двусоставного (или мнимодвусоставного) наименования или названия-словосочетания: *Царевосанчурск – Санчурск* (1923);

Г) Новый топоним получается путем замены одного из компонентов двусоставного топонима или топонима-словосочетания: *Екатеринодар – Краснодар* (1920), *Княжий Бор – Красный Бор* (1925), *Новониколаевск – Новосибирск* (1926). Преобладающей оказывается тенденция присваивать совершенно новые названия (105 переименований).

Для оценки изменений в предпочтительном оформлении топонимов была изучена морфологическая преемственность, которая понимается как сохранение в новых названиях словообразовательных элементов старых.

Нами выделено 36 пар старых и новых названий, в которых сохраняются элементы деривации. Наиболее часто сохраняются конечные элементы *-ск, -ский (-ская, -ское)* и *-ово (-ево)*: *Царевосанчурск – Санчурск, Симбирск – Ульяновск, Спасск – Беднодемьяновск, Дубовский – Ульяновский, Вишневская – Березовская, Кольчугинское – Ленинское, Христорождественское – Островское, Николаевский – Украинский, Щеголеново – Базуново, Дураково – Кольцово, Негодяево – Тихомирово.*

Отмечено сохранение модели "прилагательное + существительное": *Княжий Двор – Красный Двор, Русско-Черемиские Ковали – Русско-Марийские Ковали*, и двухкомпонентных топонимов: *Царевококишайск – Краснококишайск, Екатериненштадт – Марксистадт*. Модели, которые активно сохранялись при переименованиях 1920-х гг., были продуктивными при образовании новых топонимов на протяжении всего XX в. Среди новых названий 1920-х гг. отсутствуют модели на *-иха, -ье, -ец*, непродуктивные для современной официальной географической номинации. Ограниченно использовался формант *-ка*, который по аналогии с его значением в антропонимии (ср. *Аська, Сашка, Любка*) воспринимался как недостаточно нейтральный для официального делопроизводства вообще и при образовании наименований-посвящений политическим деятелям, в частности.

В качестве источника изучения отношения людей 1920-х гг. к топонимам использовались тексты ходатайств о переименованиях. В 1927 г. 216 советских административных работников г. Тамбова направили во ВЦИК проект переименования города *Москвы* в город *Ильич*. Прочитируем мотивировку переименования: "Новое название больше скажет уму и сердцу пролетариата, чем отжившее и бессмысленное к тому же нерусское и не имеющее логических корней, – название «Москва». Таким образом, по мнению авторов ходатайства, главным является семантический критерий, который включает два обязательных компонента: понятность для носителей русского языка внутренней формы слова и моральную нагрузку ("сказать уму и сердцу пролетариата"), которая в данном случае имеет политическое звучание (Никитин 2002).

Выбор имени вождя для наименования столицы отражает представление о том, что топонимия должна соответствовать иерархии в обществе – столице государства дается лучшее имя, имя его основателя. В советской топонимии распространилась модель "антропоним с нулевой топонимической деривацией" (*Дзержинский, Калинин, Брежнев, Андропов*), к которой можно отнести и *Ильич*. Тем не менее, описываемое ходатайство является уникальным, так как предлагает в качестве названия столицы отчество, экспрессивно подчеркивающее главное свойство образа вождя – близость к народу – «наш Ильич». *Ильич* является топонимом-посвящением. Для топонимии XX в. характерно доминирование названий-посвящений, в то время как традиционные типы мотивации (по имени основателя, владельца, по признакам местности, по типу хозяйства) отходят на второй план. В результате этого, многие старые названия, так или иначе могущие трактоваться как производные от имен или от слов-символов, стали также восприниматься как посвящения.

Обращает на себя внимание и контекст утверждения ходатайства, которое было сформулировано на праздничном собрании 23 февраля, что является еще одной концептуальной чертой российской топонимии XX века: к праздникам переименовываются улицы, площади, населенные пункты, новые названия становятся праздничными подарком, знаком поощрения.

Таким образом, пусть неутвержденное, ходатайство тамбовцев свидетельствует о том, что уже в 1926 г. концепция советского топонима сложилась и стимулировала очередные переименования. В письме были ясно сформулированы требования, которые общество того времени предъявляло к названию города, а также культурологические аспекты, которые и в дальнейшем сопутствовали номинации географических объектов в Советском Союзе. Неслучайно и то, что тамбовцы предложили заменить название столицы: оно имеет большую государственную важность и должно выполнять репрезентативную функцию. Именно поэтому переименования в то время занимали важное место, казались естественными и необходимыми для жизни общества, несмотря на значительные расходы на их проведение.

На первое место в советском топониме вышел семантический аспект, основанный на желании понимать компоненты слова и осмысливать их в морально-политическом и стилистическом аспектах. Эта перемена в общественном сознании аналогична изменениям в восприятии литературы и искусства в СССР, когда их художественная функция уступила место воспитательной. Но прежде, чем появились первые литературные и художественные панегирики, адресованные массовому читателю, а новая географическая номенклатура уже овладевала пространством. В этой ситуации топонимия соседствовала с монументальной пропагандой, иногда даже ее опережая: на создание памятников требовалось значительно больше сил, чем на смену табличек.

В последующие десятилетия XX в. посвящение стало основным типом российской топонимии. Переименования коснулись большого числа населенных пунктов. Для концепции топонима последних десятилетий XX в. важным является противопоставление так называемых исторических и советских названий: это противопоставление привело к устраниению многих названий XX в., на место которых пришли

дореволюционные (*Брежнев – Набережные Челны, Калинин – Тверь, Куйбышев – Самара*). В переименованиях 1990-х гг. в Ленинградской области явно превалировал историзм: возвращены названия Петровского времени, несмотря на их германское звучание (*Ленинград – Санкт-Петербург, Петрокрепость – Шлиссельбург, Петродворец – Петергоф*). Таким образом, в 1980-1990-е гг. были снова произведены переименования крупных населенных пунктов; основным содержанием этих переименований был отказ от советских названий по причине их несоответствия эпохе – то есть по той же политической мотивации, которая была в основе переименований 1920-х гг.

В настоящий момент – в начале XXI века – переименования по политическим причинам не актуальны. Происходит очередное изменение концепции топонима. В то же время, в других государствах СНГ происходит активная национализация топонимии, которая выражается в устранении из официального обращения наименований, связываемых с Советской властью, и русских названий вообще. Политическими причинами обусловлены значительные переименования географических объектов, проведенные в 1990-х гг. в Туркмении и Прибалтийских государствах.

С течением времени ослабевают политические коннотации топонимов, производных от имен деятелей революционного движения; это происходит в связи с тем, что имена этих деятелей не являются актуализированными для сознания большинства. Многие официальные топонимы, присвоенные в XX в. по политическим и другим мотивам, воспринимаются теперь как традиционные и не могут выполнять политической функции: в московском топониме *Бабушкинская* значительно сильнее проступает слово *бабушка*, чем фамилия полярного летчика М. С. *Бабушкина*; топоним попадает в один ряд с такими традиционными названиями как *Дедовск, Внуково*. С другой стороны, различные производные от эпонима С. Н. *Халтурина* были устранены в 1980-1990-е гг. (ул. *Халтурина* в Санкт-Петербурге переименована в *Миллионную*; г. *Халтурин – Орлов*) прежде всего по причине неблагозвучной ассоциации со словом *халтура*.

В Заключении подводятся итоги изучения переименований географических объектов.

Как показал сопоставительный анализ топонимии различных периодов, переименования не были абсолютно новым явлением для России в XX в.: изменения, в том числе обусловленные общественно-политической жизнью, вносились в топонимию и ранее.

В концепции топонима отражаются наиболее значительные изменения общественного сознания. Принципиальные аспекты концепции ярко проявляются в переименованиях. Основной предпосылкой для переименований географических объектов является переосмысление географических названий в связи с изменениями, происходящими в обществе. В процессе переименования топонимы, в нем участвующие, осознаются как полноценные содержательные единицы. Присвоение или устранение отдельных названий понимается как жест, имеющий особое значение: при помощи переименований производилось освоение пространства, когда *свое* имя давалось взамен *чужого*. Принципиально новым оказалось то, что в XX в. переименования

затронули всю страну и продолжались на протяжении почти целого столетия. В массовом характере советских переименований проявилось желание подчеркнуть принципиальную новизну и непререкаемость Советской России по отношению к России дореволюционной, однако лексико-семантические и мотивационные типы переименований 1920-х гг. появились в топонимии задолго до революции. Концепция топонима, приведшая к многочисленным переименованиям при Советской власти, последовательно формировалась на протяжении XVIII-нач. XX вв.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Формирование концепции советского топонима. Тамбовский источник // *Филология и культура: Материалы III-й Международной научной конференции 16-18 мая 2001 г.* / Отв. Ред. Н. Н. Болдырев; Редкол.: Е. С. Кубрякова, Т. А. Фесенко, Е. В. Милосердова, В. Б. Гольдберг и др.: В 3 ч. Часть 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – С. 38-41.
2. Продуктивные основы российской топонимии: "Красный" (1918-1930 гг.) // *Ярославские лингвистические чтения.* – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2001. – С. 66-69.
3. Первые советские переименования: Регионы или центр? // *Центр – провинция. Историко-психологические проблемы.* Материалы всероссийской конференции 6-7 декабря 2001 г. – СПб.: Нестор, 2001. – С. 119-121.
4. Концепция советского топонима (по архивным материалам первых лет советской власти – 1918-1926 гг.) // *Toponimia i onomimia.* – Kraków: Wydawnictwo naukowe DWN, 2001. – С. 363-372.
5. Топонимия в 1920-х годах: г. Скобелев – г. Фергана // *Тилнинг аксиологик механизмлари ва матн эмоционаллити.* – Тошкент: Мирзо Улугбек Номидаги Ўзбекистон Миллий Университети, 2001. – С. 35-37.
6. "Архивный" метод исследования современной российской топонимии // *Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. Сборник статей* / Отв. Ред. А. И. Новиков. – 2001. – М.: "Азбуковник", 2002. – С. 145-154.
7. Питер, Шлюшин, Ранбов и другие петровские географические названия // *Петербург в историческом сознании.* Материалы Всероссийской научной конференции, 24-25 апреля 2003 г., Санкт-Петербург / Под ред. С. Н. Полторака. – СПб.: Нестор, 2003. – С. 56-59.
8. Морфологическая преемственность при переименованиях в России // *Onomastyka u progu nowego wieku: metodologia, terminologia, kierunki badan.* – Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurskiej, (в печати).
9. *Concetto toponomastico: in Italia ed in Russia nel periodo contemporaneo* // *Studi italiani di linguistica teorica ed applicata, anno XXXI, 2002, numero 2.* – p. 259-270.
10. *Non-ideological names in the Soviet place-name changes* // *Actas do XX Congreso Internacional de Ciencias Onomásticas.* Santiago-de-Compostela, 20-25 setembro 1999. – A Coruña, 2003.
11. *Rejected proposals in the Soviet place-name policy* // *21st International Congress of Onomastic Sciences. Abstracts.* – Uppsala, 2002. – p. 77-78.

№13692

2003-A
13692

Отпечатано в ООО «Соцветие красок»
119992 г. Москва, Ленинские горы, д.1
Главное здание МГУ, к.102
Тираж 100 экз. Заказ №56